

УДК 811.21

DOI 10.24412/3005-849X-2025-2-122-130

**НЕСКОЛЬКО СЛОВ О
ДРЕВНИХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ
ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНАХ
В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ**

**СУХАНЕ ЧАНД ОИД БА
ИСТИЛОҲОТИ ҲУҚУҚИ
ҚАДИМАИ МАНФӢ ДАР
ЗАБОНИ ТОЧИКӢ**

**A FEW WORDS ABOUT
ANCIENT NEGATIVE LEGAL
TERMS IN THE TAJIK
LANGUAGE**

Шокиров Туграл Сироджович, д-р филол. наук, профессор кафедры таджикского языка ТГУПБП; **Бадалова Саиднисо Наимовна**, преподаватель кафедры развития разговорной и письменной речи ГОУ «ХГУ им. Б. Гафурова (Худжанд, Таджикистан)

Шокиров Туграл Сирочович, д. и. филол. профессораи кафедраи забони тоҷикии ДДХБСТ; **Бадалова Саиднисо Наимовна**, омӯзгори кафедраи инкишофи нутқи шифоҳӣ ва хаттии МДТ «ДДХ ба номи акад. Б. Гафуров» (Хучанд, Тоҷикистон)

Shokirov Tugral Sirodzhovich, doctor of Philology, professor of the Tajik language department under the TSULBP; **Badalova Saidniso Naimovna**, lecturer of department of development of spoken and written speech under the SEL "KhSU named after acad. B. Gafurov" (Khujand, Tajikistan) e-mail: shokirov1953@mail.ru

Рассматриваются некоторые образцы древней правовой лексики (**Dauš, patyàra, patit, pädafräh, wināh** и др.) таджикского языка, передающей отрицательные понятия, и их лексико-контаминационные особенности. Отмечено, что в таджикском языке, как и в других языках, правовые термины испокон веков имеют особое лексико-семантическое и социально-политическое значение. Для обозначения борьбы добра и зла употребляется немало антонимичных слов, отдельные из которых имеют глубокие исторические корни. Таджикско-персидские слова **хуб (хорошо)** и **бад (плохо)**, **дӯст (друг)** и **душман (враг)** составляют основу для выражения доброго и плохого поведения человека и входят в ядро лексического состава языка. Особое внимание уделяется этнолексической и словообразовательной специфике правовых терминов таджикского языка в историческом ракурсе развития разговорной речи.

Ключевые слова: таджикский язык, древняя правовая лексика, отрицательные понятия, борьба добра и зла, поведение человека, ядро лексического состава языка

Танҳо баъзе вожаҳои ҳуқуқи қадимӣ (**Dauš, patyàra, patit, pädafräh, wināh** ва ғ.) бо мафҳуми манфӣ ва хусусиятҳои лугавию калимасозиашон мавриди баррасӣ қарор гирифтаанду бас. Дар забони тоҷикӣ чун дар дигар забонҳо аз қадимулайём истилоҳоти соҳаи ҳуқуқ дорои маънои махсуси лугавию маъноӣ ва иҷтимоию сиёсӣ мебошанд. Барои ифодаи муборизаи байни неку бад чанд қадимӣ зидмаъно истифода мешаванд, ки бархеи онҳо решаҳои дури таърихӣ доранд. Масалан, вожаҳои тоҷикии **хуб** ва **бад**, **дӯст** ва **душман** заминаи ифодаи рафтори нек ва бади инсон ва асоси таркиби лугавии забонро ташкил медиҳанд. Таваҷҷуҳи асосӣ ба вижаҳои этнолексикӣ ва калимасозии истилоҳоти ҳуқуқи забони тоҷикӣ аз дидгоҳи таърихӣ дода шудааст.

Калидвожаҳо: забони тоҷикӣ, истилоҳоти қадими соҳаи ҳуқуқ, муборизаи байни некиву бадӣ, рафтори инсон, асоси таркиби лугавии забон

The article examines some examples of ancient legal vocabulary (**Dauš, patyàra, patit, pädafräh, wināh**, etc.) of the Tajik language, conveying negative concepts, and their lexical-contamination features. It is noted that in the Tajik language, as in other languages, legal terms

have always had a special lexical-semantic and socio-political meaning. Many antonymous words are used to denote the struggle between good and evil, some of which have deep historical roots. The Tajik-Persian words khub (good) and bad (bad), dust (friend) and dushman (enemy) form the basis for expressing good and bad human behavior and are part of the core lexical composition of the language. Particular attention is paid to the ethnolexical and word-formation specifics of legal terms in the Tajik language in the historical perspective of the development of colloquial speech.

Key-words: *Tajik language, ancient legal vocabulary, a negative concept, the struggle between good and evil, human behavior, the core of the lexical composition*

Язык, будучи неизменным средством коммуникации человеческого общества в течение всего времени его существования, развивается, меняется и совершенствуется вместе с ним. В различных сферах функционирования языка регулярно происходили номинативные процессы, вызывающие постоянный интерес лингвистов, так как данный разряд лексических единиц и способы их номинации представляют собой активную часть лексической системы любого языка, в которой зафиксированы языковые представления и концептуальные знания о сферах человеческой деятельности.

Среди многочисленных проблем системы «язык и общество» взаимоотношения языка и права занимали и занимают одно из главных мест вследствие того, что право и закон имеют прямое отношение к каждому гражданину государства, а нормы права выражаются языковыми средствами. Язык и право тесно переплетены ввиду того, что юридические нормы могут существовать только в языковых формах, играющих огромную роль в юридической деятельности членов общества [22, с. 37].

Исследователь Н.Н. Ивакина даёт следующее определение специальной лексике в области права – юридическому термину: это «слово или словосочетание, имеющее юридическое значение, выражающее правовое понятие, применяемое в процессе познания и освоения явлений действительности с точки зрения права» [9, с. 23].

Таджикский язык также является обладателем богатой правовой терминосистемы. Формируясь и развиваясь в течение шести тысяч лет, таджикский язык даже в самые неблагоприятные периоды его существования являлся кладзем и воплощением научных, культурных, духовных и материальных ценностей таджикского народа.

Система терминообразования в области права в таджикском языке имеет историю в несколько тысячелетий [22, с. 17]. Исследование письменных исторических источников, дошедших до наших дней, позволяет утверждать, что ещё в древности в лексике таджикского языка наряду с общеупотребительными лексемами использовались слова и словосочетания, обладающие терминологическими признаками, и свидетельством их богатства является факт, что они широко использовались и в первоизданном виде, и в словообразовании. Для подтверждения данного тезиса можно привести то, что, анализируя текст Авесты, исследователь может прийти к выводу, что в далёком прошлом таджикского народа его юридическая система и терминология достигли весьма высокого уровня и многие юридические понятия были классифицированы очень чётко и точно. Вследствие этого мы решили дать краткий обзор древней, т.е. доисламской, юридической терминологии таджикского языка на примере письменных источников, дошедших до нас и написанных на авестийском, древне- и среднеперсидском (пехлевийском) языках.

Будучи светской наукой, юриспруденция имеет особенности, которые в процессе развития общества и государства в каждую эпоху по-своему проявляются в их структуре и форме. Особого внимания заслуживает лексический состав. С древнейших времён и до принятия ислама в юриспруденции широко использовались термины, имевшие различное

лексическое, фонетическое, морфологическое и синтаксическое значение. Огромный класс терминов вошёл в обиход со времён Сасанидов, юридическая лексика использовалась и в древнеиранских языках, например в древнеперсидском, и в среднеиранских языках, особенно в среднеперсидском, и на этой основе были созданы новые сложные и составные слова. Многие исследователи придерживаются точки зрения, что среднеперсидское письменное наследие может дать достаточно необходимой информации, что подтверждено более поздними исследованиями [7; 10; 11; 20; 22; 24; 25].

Самые старые образцы среднеперсидской юридической терминологии досасанидской эпохи зафиксированы на монетах, датируемых II веком до нашей эры. Некоторые государственные письма и документы, созданные в виде рукописей на папирусе, предоставляют информацию по военным, юридическим и делопроизводственным вопросам. Однако при анализе можно наблюдать следующее: в ряде пехлевийских рукописей простые и сложные термины встречаются в разбросанном виде, а в некоторых других источниках и произведениях этого периода можно наблюдать определённую систему в их образовании и употреблении. Известно, что после периода правления каждого властителя остаются различные документы и летописи. Примером могут служить: Бехистунская надпись [13], сборник юридических дел «Модигони хазор додистон» («Книга о тысяче судебных дел») [10] или одна из древнейших подобных летописей – сочинение сасанидского царя Яздигурда III (623–651 гг. н. э.), которое называется «Хвадойномаг» [21, с. 11].

В произведениях этого периода юридическая терминология переживает период становления, фиксации и развития значения. С течением времени исходные слова, являющиеся существительными, прилагательными, наречиями и числительными, получили новые значения и приобрели терминологический характер, например: **newag**, **nekog**, **nek** -нек (хороший), **nekkamag** – некхох (доброжелатель), **nikkunišn** – неккирдор (добродетельный), **wadkunišn** – бадкирдор (злодей); **zišt** – зишт (уродливый), **apag** - бад, зиёновар (плохо, вредитель).

Понятия *бад*, *бадй*, *шарр* (зло, вред) выражались корневым словом *ahra*, которое в Авесте имело формы *ahra*, *angra*, в древнеперсидском - *ahrīka* и использовалось в образовании сложных слов *ahramanyu*, *ahromanyu*, *ahriman*. Как известно, слово *Ahriman* в древних мифах обозначало предводителя злой силы, зачинщика всякого греха и преступлений. Данное значение могло бы выражаться также словом *aka*, *anka* (например, *akatarā* – хуже, *akatama* – наихудший).

Понятия *муборица*, *мухориба*, *харб*, *муқобилат* (борьба, сражение, битва, сопротивление) обозначались термином *arah*. Согласно комментариям к указанному источнику, *arah* и *arahka* могут употребляться в значениях *кор* (работа), *рафтор* (поступок), *амал* (действие), *харакат* (движение). Если исходить из бескорыстных или преступных действий и поступков, то эти слова приобретают юридический оттенок. Это особенно хорошо наблюдается в Авесте, ведь идея добра и зла красной нитью проходит через весь памятник. Если *arah* в целом обозначает понятие «поступок», то с прибавлением морфемы *hu*-(*hu-arah*) это слово обозначает *нақўкор*, *хушрафтор*, *амали нек* (доброта, добрый поступок). Наоборот, понятия *рашк*, *рашкин* (ревность, ревнивый), *рашкдорй* (ревнивость), *бадхохй* (враждебность) выражались словами *arsimant* и *ariška* (рашк, *хасад* – ревность), а слова *бадхох* (недруг), *бадандеиш* (злоумышленник), *бадкирдор* (негодяй) связаны с лексемой *duškāta*.

Слово *душман* (враг), которое ныне входит в круг *dušmanīdušn* (*душман* – враг), образовалось от *душ* – бад, *ганда*, *нохуб* (плохой), *бадбахт* (несчастный), *шарр* (зло, вред) и *тана* (*тан*; < *tanīsh* – маниш, ботин, *ниход* – нрав) и означало *бадкор* (злодей) *бадрафтор* (грубое, плохое поведение), *агёр* (чужой) [4, с. 115].

В Авесте оно встречается в форме *dauš - manah*, которое имеет значения *рақиб (противник), ҳариф (соперник), душман (враг), бадқирдор (злодей, негодяй)*. С элементом «*dauš*» образовались также слова *duškàta, dušata* и *dušnàtan, duštân*. Первое слово означает *бадхоҳ (недруг, недоброжелательный), баддумон (подозрительный, недруг), бадният (злоумышленный, недруг)*, а второе – *тахқир (оскорбление), бадгӯй (клеветник, злословящий), дуруггӯй (лгун), дашином (ругань), ҳақорат гуфтан (ругать)*. С лексемой *duš* также созданы слова *dušvâr (душвор – трудно, сложно), dušzàh (дӯзах – ад)* и многие другие.

Листая Авесту, можно встретить слово *patyàra*, которое использовано в форме *patiyàra*. Из этого слова возникла словарная единица *патёрагӯй (враждебность)*, а в пехлеви – слова *patiyàraқауа, patiyàraқауа*, которые использовались в значениях *душманӣ (вражда), ши́ддат (сила, напряжение), ҳамла (нападение), хучум (атака)* [11, т. 6, 240-248]. Комментаторы толкуют его значение следующим образом: *осеб (травма), зарар (вред), офат (бедствие, несчастье), айб (недостаток), зиштӣ (безобразие), душман (враг), мухалиф (противоречивый, противоположный), зайрфикр (инакомыслящий), ситеҳанда (враждебный), зид (противоположный, несогласный), мутаноқиз (несовершенный), ҳамлагар (нападающий), хучумгар (наступающий)* и др.

Дополнительно к указанным словам функционировало слово *patim (patit)*, которое в Авесте имело форму *patyita*, на пехлеви – *patit*. Указанное слово, будучи полисемантическим, только в отдельных случаях используется в значении *душман (враг)*.

Слово *подош* на пехлевийском языке употреблялось в варианте *patdahišn*, в среднеперсидском – в формах *padāštan, padāšt*, *padāš* [11, т. 6, с. 64-68]. Данное слово первоначально использовалось с положительной коннотацией, т.е. означало вознаграждение за хороший поступок, доброе дело, достойное поведение и входило в антонимические отношения со словом *подафраҳ (pādafrāh – наказание)*. Позже оно стало выразителем любого вознаграждения, любой расплаты и тем самым в определённой степени стало синонимом слова *pādafrāh – наказание*.

Слово *подафроҳ/подафраҳ* в пехлевийских памятниках написано в форме *pādafzūs*. Оно зафиксировано как *pādafrāh, pādafrā, pādāfrāh* и означало наказание за плохие действия, поступки, за содеянное и противопоставлялось значению «вознаграждение за хорошие дела». Таким образом, рассмотренные лексемы в разноструктурных вариантах дают схожие понятия.

Понятие *гуноҳ (грех)* в пехлевийском языке обозначалось словом *wināh*. Грехи — неподобающие деяния и проступки человека, составляющие триаду «злая мысль – злое слово – злое дело». Эти проступки могли быть как общечеловеческими (неуважение к родителям, убийство, прелюбодеяние, воровство, лжесвидетельство, ложь, зависть, жадность, клевета и др.), так и чисто арийскими (нарушение ритуалов, осквернение огня, земли и воды, жестокость к животным, несоблюдение кровнородственного брака и др.). Грехи и наказания, которые претерпевают за них грешники, подробно описаны в «Арда Вираз намаг» («Книге о праведном Виразе») [4, разделы 21-54]. Перечень грехов имеется также в «Дадестан-и меног-и храд» («Суждения Духа разума») [8, с. 79-121], отдельные грехи названы в «Вазаг-и евчанд-и Адурбад-и Мараспандан» («Несколько слов Адурбада, сына Мараспанда») [6, с. 97-101]; «Хандарз-и Ошнар-и данаг» («Наставление мудреца Ошнара») [17, с. 131-137] и др. Грешнику следовало покаяться перед дастурами и зороастрийцами, и если после этого он не грешил, то совершённый им грех удалялся из его тела [8]. Раскаяние в грехах предназначено для противостояния *демону (деву)* [16; 23].

Демон (дев) – злой дух персидско-таджикской мифологии, сущность которого противопоставлена понятию правды и истины. Так как первоначально это было авестийское нарицательное имя женского рода, считается, что дэвовские существа женского пола. В

пехлевийских текстах *druz* означает и самого злого духа — Ахримана [1, с. 96-97; 5, с. 265-311; 18, с. 76-77; 19, с. 69-74], и другие силы зла — дэвов [8, с. 79-121; 18, с. 76]. Демоны иранской мифологии представляют собой персонификации грехов, пороков и несчастий, а именно: жадность, нужду, гнев, зависть, стыд, похоть, месть, лень, ересь, клевету, нерешительность, неудовлетворённость, вражду, нечистоту (скверну), неверие, насмешку, гордыню, голод, болезни, сомнения и др. [3, с. 86-93; 8, с. 79-121; 16, с. 93-95; 19, с. 69-74]. Демоны, как и дэвы, сотворены Ахриманом для обмана людей [3, с. 86; 8, с. 79-121], они пребывают в теле человека [5, с. 292; 8, с. 92], но могут и самостоятельно обитать на земле, которую в этом случае необходимо признать несчастной («Дадестан-и меног-и храд», 20). Обычное местопребывание демонов, как и дэвов, — ад, где они наказывают грешников [4, с. 130; 21 с. 16-17, с. 43-44; с. 35 и др.] и откуда каждый день после захода Солнца числом, равным числу волос в конской гриве, приходят в этот мир демоны жадности [21, с. 81], чтобы причинять зло творениям Ормазда [4, с. 96-102]. Уничтожает их дух дрона («благодаря силе дрона»), который следует должным образом освящать [4, с. 96-98], а от горы Албурз их также отгоняет звезда Вананд [8, с. 103]. Общее число демонов, дэвов, колдунов и колдуний, что пребывают в аду, — 99 999, и к вратам ада приставлены 99 999 бессмертных душ праведных, чтобы не допустить выхода злых сил [8, с. 109-120]. Демоны (дэвы) стараются навредить героям, поэтому такое же число фравашей, 99 999, охраняет от них тело Сама в степи Пешансех близ горы Дамавенд [8, с. 79-80]. С демонами следует бороться: для изгнания из тела демона нечистоты следует совершать омовение рук и лица гомезом и водой [23, с. 315], демона лени можно победить поклонением огню («Хандарз-и дастваран о вехденан» — «Наставление дастуров зороастрийцам», 3), а неверия — Солнцу («Хандарз-и дастваран о вехденан» — «Наставление дастуров зороастрийцам», 4), молчанием во время еды можно победить демонов, тысяча которых беременеют из-за болтовни грешника и десять тысяч рождаются («Хандарз-и дастваран о вехденан», 7). Для противостояния каждому демону следует раскаяться в грехах и освятить дрон [23, с. 317], а победить демонов, как и дэвов, можно с помощью *хома* (*хом* - священное растение и сок, выжимаемый при богослужении; божество [21, с. 526]), *барсума* (*барсум* – ветки в руке жреца во время богослужения), доброй праведной веры [21, с. 525], а также врожденного и приобретенного разума, разумной беседы, разумного характера, смирения и надежды [3, с. 89]. Для борьбы с демонами Ормазд создал петуха и собаку, которые помогают божеству *Срошу* (*Срауша*) уничтожать силы зла [5, с. 273]. Необходимо отметить, что О. М. Чунакова идентифицирует демона с пехлевийским словом *druz* (авест. *Drug*), которое в переводе означает «ложь» и «неправда» и характерно для поведения Ахримана [21, с. 93-94]. Однако по характеру и поведению оно больше подходит к арабским *джиннам* и персидско-таджикским *девам* и *азоилам*.

Азозил – арабское слово, обозначающее шайтана и Иблиса, которые переводятся на русский язык как *демон* и *искуситель* [12, с. 207]. Данный термин также употребляется как другое название *Азроиля* (*Израила*). В ФЗТ [14, т. 1, с. 48] и ФТЗТ указано, что он представляет собой имя ангела смерти *Малакульмавта* [15, т. 1, с. 750]. Составители РТС перевели слово *демон* как «васваса; демонизм; м. азозилият; демонический, -ая, -ое 1. ...и азозил; ~ ий смех какхахаи азозилона; 2. перен. девмонанд, иблисона; ~ ая натура: табиати девмонанд, тинати иблисона: демонский, -ая, -ое; уст.: см. демонический» [12, с. 207].

Востоковеды В.С. Расторгуева и Дж. Эдельман, открывая панораму детализации развития слово *drōz*, показывают следующую лексическую панораму: «ср.-перс. ран. *drōž*, поздн. *drōž* {*dlhwč* } 1) солгать, обманывать — как персонифицированная космическая сила'; 2) 'демон'» [11, т. 2, с. 466]. Указывая на восхождение к таджикскому слову *дурӯғ*, которое является контаминантом многих отрицательных юридических терминов, на основании выводов В. С.

Расторгуевой и Дж. Эдельман авторы отмечают, что слова «*дурӯғ* (*ложь*), *дурӯғгӯ* (*лжеец*), *дурӯғидан* (*лгать*)» тоже относятся к юридическим терминам, которые с древнейших времён означали качества, которые осуждались людьми и считались отрицательными. *Дурӯғ* (*ложь*) в Авесте использовалось в форме *druj*, а в пехлевийском языке звучало как *druz*, в среднеперсидском – (*druj*, *druz*). Позднее в вариантах *draug*, *druj*, *drauj* оно распространилось в значениях «*лжеец, обмануть, обманывать, лгать*»; а *drauga* означало понятия «*ложный, притворный, незаконный, вероломный, предательский, предательство*» [11, т. 2, с. 466; 22, с. 63–64]. Диахроническая картина данного слова в деривационном показе выглядит следующим образом: «*draug- : drug- : drauj- : druj – лгать, обманывать; ложь — из арийск. *draugh- : drugh- : draujh- : drujh-, ср. др.-инд. droggh-* (през. *drūhyati*) – *лгать*» - *вредить кому-л. ложью, обманом, drogha-, druḥ – ложь; демон лжи*. Восходит к и.-е. **dhreugh- : dhruugh- лгать; обманывать, вредить, причинять ущерб посредством лжи, хитрости, лукавства*, ср. др.-сакс. *drōm*, англ. *dream*, др.-верх.-нем. *triugan*, нем. *trügen, be-trügen*; ср.-перс. ран. *drōž-*, поздн. *drōž- {dlwč-}* '*лгать, обманывать*', прич. прошед. вр. *druxt {dlwht}*, ман. *{drwxt}*, инф. *druxtan {dlwhtn}* '*лгать, обманывать*' [11, т. 2, с. 466].

В Авесте зачинщик всяческого зла, греха и недугов обозначается словом *akataša* и противопоставляется *arta* и *aša*. В «Вандидаде» денотатом *akataša* считается злодейский демон. В «Бундахишна» он упомянут и описан как *durduj// drduj//druj*, и оба они являются помощниками и соратниками Ахримана.

Слово *Akataša* в ряде частей и разделов этого священного источника (первая строфа «Ясны» – 31, строфа 4 «Ясны – 33, строфа 13 «Ясны» – 44) использовано в значениях «*лживая девица*», «*неправда и вероломство*» [2, с. 577]. Денотатом этого сложноподчинённого слова является *aka* со значением '*злой; плохой*', происходящего от арийск. **ака-*, ср. др.-инд. *āka-* «*горе, страдание, печаль, боль*», *ākat* (нареч.) «*дурно, плохо*»; более ранняя история неясна. Выводится из **ak(h)-* «*испытывать боль, страдать*», «*наносить вред, причинять страдания*» (?) — из и.-е. **ak^w* - «*причинять страдания, вред, ущерб; вредить*», ср. греч. *ἀπ- в ἀπάτη-* '*deceit*' [11, т. 1-150].

Христиан Бартоломе предполагает, что в результате структурной реформы появились в употреблении кл. перс. *ак/āk* - «*бедствие, несчастье; грех; ошибка; порок, недостаток*»; совр. перс. (уст.) *āk* - «*недостаток, порок, погрешность*» [25, с. 44–45]. Также этимологи считают, что слово *аč- jah* - 'злейший', фонетически сходное с частью слова, восходящего к **ahra-, *akata-tara-* (сравн. ст.) > ав. п. *akata- 'более злой, очень злой'*; **aič-išta-* (*превосх. ст.*) > ав. г., п. *aič-išta* - '*наихудший, злейший*'; **axti-* > ав. г., п. *axti*-[11, т. 1, 150] «*страдание*» восходит к *Akataša*.

Drōgvant, duruvand или *durvand* означало испорченного, нечистошлотного, неблагочестивого человека. Слово *zanduk*, арабским вариантом которого являлся *зундик*, также использовали в значении «испорченный». Понятия «обман, нечистошлотность, неправдивость, испорченность, развращенность» номинировались также словом (*ašmug*) [2, с. 577].

Итак, рассмотренные лексические элементы доказывают, что ещё в далёкой древности наряду с положительными словами в целях обеспечения эмоциональных потребностей и обозначения человеческих действий, контаминационным и иными путями образовались разноструктурные и разнотипные слова, которые использовались для обозначения общих и юридических понятий, многие из которых встречаются и в современности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Абар пандж хем-и асронан («О пяти чертах характера жрецов») / Изведать дороги и пути праведных. Пехлевийские назидательные тексты / Введение, транскрипция текстов, перевод, комментарий, глоссарий и указатели О. М. Чунаковой. – Москва: Восточная литература, 1991. – С. 96-97.*

2. *Авесто / Гузориш ва пажӯҳиши Чалили Дӯстхоҳ. Таҳиягар Муаззами Диловар. – Душанбе: Қонуният, 2001. – 792 с.*
3. *Аййадгар-и Вузургмихр («Наставление („Памятка“) Вузургмихра» / «Изведать дороги и пути праведных». – Москва: Наука, 1991. – С. 86-93.*
4. *Арда Вираз намаг («Книга о праведном Виразе») / Пехлевийская «Божественная комедия». «Книга о праведном Виразе (Арда Вираз намаг)» и другие тексты / Введение, транслитерация пехлевийских текстов, перевод и комментарий О. М. Чунаковой. – Москва: Восточная литература, 2001. – С. 96-130.*
5. *Бундахишн («Сотворение основы»). Зороастрийские тексты / Суждения Духа разума. «Сотворение основы» и другие тексты / Издание подготовлено О.М. Чунаковой. – Москва: Восточная литература, 1997. – С. 265-311.*
6. *Вазаг-и евчанд-и Адурбад-и Мараспандан («Несколько слов Адурбада, сына Мараспанда») / «Изведать дороги и пути праведных». Пехлевийские назидательные тексты / Введение, транскрипция текстов, перевод, комментарий, глоссарий и указатели О. М. Чунаковой. – Москва: Восточная литература, 1991. – С. 97-101.*
7. *Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах / М. А. Дандамаев. – Москва: Изд-во восточной литературы, 1963. – 292 с.*
8. *Дадестани меног-и храд («Суждения Духа разума»). Зороастрийские тексты / «Суждения Духа разума», «Сотворение основы» и другие тексты / Издание подготовлено О.М. Чунаковой. – Москва: Восточная литература, 1997. – С. 79-121.*
9. *Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста: учеб. пособие / Н.Н. Ивакина. — Москва: Норма, 2010. — 448 с.*
10. *Периханян А.Г. Сасанидский судебник. Книга тысячи судебных решений: монография / А. Г. Периханян. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1973. – 576 с.*
11. *Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. – Москва: Восточная литература, 2000. – Т. 1. 327 с.; 2003, Т. 2 - 502 с.; 2007. - Т. 3. – 493 с.; 2020. – Т. 6. – 463 с.*
12. *Русско-таджикский словарь / Под ред. М. С. Осими. – Москва: Русский язык, 1985. – 1280 с. (РТС)*
13. *Струве В. В. Датировка Бехистунской надписи / В. В. Струве // Вестник древней истории. — 1952. — № 1. — С. 26—48.*
14. *Фарҳанги забони тоҷикӣ. – Москва: СЭ, Т. 1. 1969. – 951 с.; Т. 2. – 949 с. (ФЗТ)*
15. *Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷ. 1. – Душанбе, 2008. – 950 с. ; Т. 2. – 945 с. (ФТЗТ)*
16. *Хандарз-и дастваран о вехденан («Наставление дастуров зороастрийцам») / «Изведать дороги и пути праведных». Пехлевийские назидательные тексты / Введение, транскрипция текстов, перевод, комментарий, глоссарий и указатели О. М. Чунаковой. – Москва: Восточная литература, 1991. – С. 93-95.*
17. *«Хандарз-и Ошнар-и данаг» («Наставление мудреца Ошнара») / Пехлевийская «Божественная комедия», «Книга о праведном Виразе» («Арда Вираз намаг») и другие тексты / Введение, транслитерация пехлевийских текстов, перевод и комментарий О. М. Чунаковой. – Москва: Восточная литература, 2001. – С. 131-137.*
18. *Хандарз-и Хусрав-и Кавадан («Наставление Хосрова, сына Кавада») / «Изведать дороги и пути праведных». Пехлевийские назидательные тексты / Введение, транскрипция текстов, перевод, комментарий, глоссарий и указатели О. М. Чунаковой. – Москва: Восточная литература, 1991. – С. 76-77.*
19. *«Чидаг-хандарз-и порйоткешан» («Избранные наставления первых учителей») / «Изведать дороги и пути праведных». Пехлевийские назидательные тексты / Введение,*

транскрипция текстов, перевод, комментариев, глоссарий и указатели О. М. Чунаковой. – Москва: Восточная литература, 1991. – С. 69-74.

20. Чим-и дрон («Значение дрона») / Зороастрийские тексты «Суждения Духа разума», «Сотворение основы» и другие тексты / Издание подготовлено О.М. Чунаковой. – Москва: Восточная литература, 1997. – С. 318-320.
21. Чунакова О.М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов/ О.М. Чунакова. Ин-т востоковедения, Санкт-Петербургский филиал. — Москва: Восточная литература, 2004. — 286 с.
22. Шокиров Т. С. Юрислингвистическое изучение формирования и развития юридических терминов в таджикском языке. – Душанбе: Ирфон, 2012. – 235 с.
23. Шайаст-на-шайаст («Дозволенное-недозволенное») / Зороастрийские тексты «Суждения Духа разума», «Сотворение основы» и другие тексты / Издание подготовлено О.М. Чунаковой. – Москва: Восточная литература, 1997. – С. 312-318.
24. Якобсон В. А., Янковская Н. Б. ХХІХ «Закавказье и сопредельные страны в период эллинизма» / История Востока. Т.1: Восток в древности. — Москва: Восточная литература РАН, 1999. – 824 с.
25. Bartholomae Chr. Altiranisches Werterbuch. Strassburg, 1904 (repr.: Berlin-New York, 1979). – С. 44—45.

REFERENCES:

1. Abar panj hem-i asronan ("On the five character traits of priests") / To Know the Paths and Ways of the Righteous. Pahlavi edifying texts / Introduction, transcription of texts, translation, commentary, glossary and indexes by O. M. Chunakova. - Moscow: Vostochnaya literatura, 1991. - PP. 96-97.
2. Avesta / Report and Research by Jalil Dusthokh. Compiled by Muazzam Dilovar. – Dushanbe: Qanuniyat, 2001. – 792 pp.
3. Ayyadgar-i Vuzurgmihir ("Instructions ("Memo") of Vuzurgmihir") / To Know the Paths and Ways of the Righteous. - Moscow: Nauka, 1991. - PP. 86-93.
4. Arda Viraz namag ("The Book of the Righteous Viraz") / Pahlavi "Divine Comedy". "The Book of the Righteous Viraz (Arda Viraz namag)" and other texts / Introduction, transliteration of Pahlavi texts, translation and commentary by O. M. Chunakova. - Moscow: Vostochnaya literatura, 2001. - PP. 96-130.
5. "Bundahishn" ("Creation of the Foundation"). Zoroastrian texts / Judgments of the Spirit of Reason. "Creation of the Foundation" and other texts / Edition prepared by O. M. Chunakova. - Moscow: Eastern Literature, 1997. – PP. 265-311.
6. "Vazag-i evchand-i Adurbad-i Maraspandan" (A Few Words of Adurbad, Son of Maraspandan) / To Know the Roads and Paths of the Righteous. Pahlavi Edifying Texts / Introduction, Transcription of Texts, Translation, Commentary, Glossary and Indexes by O. M. Chunakova. – Moscow: Eastern Literature, 1991. – PP. 97-101.
7. Dandamaev M. A. Iran under the First Achaemenids / M. A. Dandamaev. – Moscow: Publishing House of Eastern Literature, 1963. – 292 pp.
8. Dadestani Menog-i Khrad ("Judgments of the Spirit of Reason"). Zoroastrian Texts / "Judgments of the Spirit of Reason", "Creation of the Foundation" and Other Texts / The publication was prepared by O. M. Chunakova. - Moscow: Vostochnaya Literatura, 1997. - PP. 79-121.
9. Ivakina N. N. Professional Speech of a Lawyer: textbook / N. N. Ivakina. - Moscow: Norma, 2010. - 448 pp.

10. Perikhanyan A. G. *Sasanian Code of Laws. Book of a Thousand Court Decisions. Monograph* / A. G. Perikhanyan. - Yerevan: Publishing house of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1973. - 576 pp.
11. Rastorgueva V. S., Edelman D. I. *Etymological Dictionary of Iranian Languages*. - Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000. - V. 1. 327 pp.; 2003, V. 2- 502 pp.; 2007.-V. 3. – 493 pp. ;2020.- V. 6. - 463 pp.
12. *Russian-Tajik Dictionary* / Ed. M. S. Osimi. – Moscow: Russkiy yazyk, 1985. – 1280 pp. (RTS)
13. Struve V. V. *Dating of the Behistun Inscription* / V. V. Struve // *Bulletin of ancient history*. - 1952. - No. 1. - PP. 26-48.
14. *Dictionary of the Tajik Language*. – Moscow: SE, V. 1. 1969. – 951 pp.; V. 2. – 949 pp. (FTZT)
15. *Explanatory Dictionary of the Tajik Language. J. 1.* – Dushanbe, 2008. – 950 pp.; V. 2. – 945 pp. (FTZT)
16. *Khandarz-i dastvaran o vehdenan* (“Instructions of dasturs to Zoroastrians”) / *To Know the Paths and Ways of the Righteous. Pahlavi edifying texts / Introduction, transcription of texts, translation, commentary, glossary and indexes* by O. M. Chunakova. – Moscow: Vostochnaya literatura, 1991. - PP. 93-95.
17. “*Khandarz-i Oshnār-i danağ*” (“Instructions of the sage Oshnār”) / *Pahlavi “Divine Comedy”, “The Book of the Righteous Viraz” (Arda Viraz namag) and other texts / Introduction, transliteration of Pahlavi texts, translation and commentary* by O. M. Chunakova. – Moscow: Vostochnaya literatura, 2001. – PP. 131-137.
18. *Khandarz-i Khusraw-i Kavadan* (“The Instructions of Khusraw, son of Kavad”) / *To Know the Paths and Ways of the Righteous. Pahlavi didactic texts / Introduction, transcription of texts, translation, commentary, glossary and indexes* by O. M. Chunakova. - Moscow: Vostochnaya Literatura, 1991. - PP. 76-77.
19. “*Chidag-khandarz-i poryotkeshan*” (*Selected instructions of the first teachers*) / *To Know the Paths and Ways of the Righteous. Pahlavi didactic texts / Introduction, transcription of texts, translation, commentary, glossary and indexes* by O. M. Chunakova. - Moscow: Vostochnaya Literatura, 1991. - PP. 69-74.
20. *Chim-i dron* (“The Meaning of the Drone”) / *Zoroastrian texts “Judgments Spirit of Reason”, “Creation of the Foundation” and other texts / Edition prepared* by O. M. Chunakova. – Moscow: Vostochnaya Literatura, 1997. – PP. 318-320.
21. Chunakova O. M. *Pahlavi Dictionary of Zoroastrian Terms, Mythical Characters and Mythological Symbols* / O. M. Chunakova. Institute of Oriental Studies, St. Petersburg branch. - Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004. - 286 pp.
22. Shokirov T. S. *Legal Linguistic Study of the Formation and Development of Legal Terms in the Tajik Language*. - Dushanbe: Irfon, 2012. - 235 pp.
23. *Shayast-na-shayast* (“Permitted-impermitted”) / *Zoroastrian texts “Judgments of the Spirit of Reason”, “Creation of the Foundation” and other texts / Edition prepared* by O. M. Chunakova. – Moscow: Vostochnaya Literatura, 1997. – PP. 312-318.
24. Jakobson V. A., Yankovskaya N. B. *XXIX “Transcaucasia and Adjacent Countries during the Hellenistic Period” / History of the East. Vol. 1: The East in Antiquity*. - Moscow: Vostochnaya Literatura RAS, 1999. –824 pp.
25. Bartholomae Chr. *Altiranisches Werterbuch. Strassburg, 1904 (repr.: Berlin-New York, 1979)*. – PP. 44-45.